

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 9

1981

Николай ГРИБАЧЕВ

А САМИ ВЫ ЛЮБИЛИ?

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 9

Николай ГРИБАЧЕВ

— А САМИ ВЫ ЛЮБИЛИ?

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981

Николай ГРИБАЧЕВ

Николай Матвеевич Грибачев родился в 1910 году в селе Лопушь, Брянской области. Отец — крестьянин-бедняк.

Н. Грибачев учился в сельской школе, затем в школе крестьянской молодежи. В 1930 году окончил техникум по гидротехническому отделению, работал в изыскательских и строительных партиях в Карелии. С 1932 года — на газетной и литературной работе.

В 1939 году участвовал в освободительном походе в Западную Белоруссию; зимой 1939/40 года — на финском фронте; во время Великой Отечественной войны командиром взвода участвовал в боях под Москвой, командиром саперного батальона — под Сталинградом, дивизионным инженером гвардейской дивизии — на Донце. С середины 1943 года — спецкор армейской газеты.

Член КПСС с 1943 года

Вышли книги стихов: «Северо-запад» (Карелия, 1935), «Стихи и поэмы» (Смоленск, 1939), «По дорогам войны» (Смоленск, 1946), «В походе» («Советский писатель», 1948). В 1947 году Н. Грибачев написал поэму «Колхоз «Большевик». В 1948 году напечатана поэма «Весна в «Победе». В последующие годы изданы: «Дорогие земляки», «Непокоренная Корея», «После грозы», «Раздумье», «Сталь и моль», «Черное — белое», «И ветер с четырех сторон», «Женевский репортаж», «Семеро в Америке», книги рассказов «Августовская гроза», «Любовь моя шальная», «Здравствуй, комбат!» — повесть о солдатах и комбатах.

Герой Социалистического Труда (1974 г.).

Награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды.

Николай Грибачев — главный редактор журнала «Советский Союз».

НЕ ЖАЛУЙСЯ

Не жалуйся, что грустью стеснена
Душа, что замирает от восторга.
Цена любви — высокая цена,
Дорога к ней — на горный пик дорога.

Она почти в заоблачность ведет,
Но вьется своенравно и строптиво.
Тут рядом все — и летний зной и лед,
Слепящий свет и чернота обрыва.

И нет инструкций, курсов нет и школ,
И путеводных карт никто не множит.
А тот, кто этот путь уже прошел,
Был как во сне — и объяснить не может.

Но если час назначенный приспел,
Иди во власти муки и восторга
В извечный путь, в назначенный предел,
Что выше власти дьявола и бога!

ЗВОНИТЕ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ...

...Шел снег. Снежок. В конце недели.
Мерцал. Слоился под окном.
И мы в компании сидели
За легким ужином с вином.

И в чинности пустопорожней,
За два часа приевшись нам,
Плелась беседа, как прохожий,
Зевающий по сторонам.

О том, о сем. О рыбной ловле.
Об Африке. О том, что вот
Нас недруги, ловя на слове,
Берут нередко в оборот;

Что снова так себе погода,
Что нет, не рай он, климат наш,—
Зимы и сумерек полгода,
Дождливый летом ералаш.

Так у тоскливости на грани,
Что серым выстлалась рядом,
Минуты шли, часы сгорали,
День становился прошлым днем.

И вдруг, когда уже зевками
Сводило челюсти и рты,
В дверях, как в старомодной раме,
Из темноты возникла ты.

Откуда? Как? Судьба какая
Какой узор дорог вила,
Что, нашей встрече потакая,
Тебя в тот вечер привела?

Или, быть может, в самом деле
В каких-то глубях бытия
Есть все грядущих дней модели
И в них в единстве ты и я?

Не знаю. С мистикой не в дружбе.
Но, трогательна и мила,
Ты чудом, как цветок на стуже,
В своем смущении была,

Черемухой в росе, когда в ней,
Пристрастен сущности своей,
Весь из восторгов и страданий,
Поет рассветный соловей.

Качнулся свет. Беседа смолкла,
Как при проколе шелест шин,
И все вокруг тебя и около
Стопились помыслы мужчин,

И восемь глаз, тревожно ждущих,
Вели шагов твоих отсчет.
Черт любопытства в наших душах
Живет. И страсти жадный черт.

А ты, стройна и белокожа,
От щиколотки до бровей,
Была с полудевчонкой схожа,
Когда едва семнадцать ей.

Еще дремала неразбуженно
Перед безвестностью любой.
Что мы тебе? Но после ужина
Я все-таки ушел с тобой.

И в свеях снега ли, песка ли,—
Скрипит, а что, поди спроси! —
Мы вместе за полночь искали
Неуловимое такси.

И все безгрешно шло и просто,
И в снежной мгле — мука да мел! —
Твоих озябнувших с мороза
Я даже рук пожать не смел.

И лишь в конце, простившись даже,
Сказал я, холодком задет:
— Звоните.
— Я?
— Ага.
— Куда же?
— На службу... через десять лет!

Чем было это — шуткой грустной,
Что умягчает жест и речь?
Полупопыткой безыскусной
Себя от домислов отвлечь?

Дерзаньем в непогоде зимней
Намек посеять в душу тот,
Что кто-то, дальний и незримый,
Все не забыл, все ждет и ждет?

Шел год. Другой. Сады взрастали.
Гремела песня и война.
Кусался я, меня кусали,
Не спрашивая, в чем вина.

Катились реки и события,
Менялся облик стран и сел.
И наш. И некто в скучном быте
Твой милый облик полустер.

«Пусть будет счастлива!» — сказал я
И отошел. Лишь в час ночной
Метельных улиц даль сквозная
О чем-то спорила со мной.

И вот — я был в минуты эти
Особо как-то одинок, —
И вот через десятилетье,
День в день, среди зимы звонок.

— Вы?

— Я.

— Не верится.

— И все же...

Вы мне сказали — я звоню.
Став старше и, быть может, строже,
Я той себя не заменяю.

Та девочка, чуть непоседа,
Глупышка, яркая извне,
Ушла, растаяла бесследно,
Но вас оставила во мне.

Как видно, никуда не скрыться,
Когда, увидев в первый раз,
Нас уважают бескорыстно,
Живую душу ценят в нас.

С тех пор я многое забыла,
Вас нет. И все эти года
За вами издали следила,
Хотела видеть иногда.

И хоть моя за тем порогом
Счастливо прялась жизни нить,
Все чаще маялась тревогой:
«Ах да, мне надо позвонить!»

И вот, кончая с длинной речью,
В надежде чуть, чуть со стыдом,
Я приглашаю вас на встречу
Метельным днем в тот самый дом.

Быть может, все напрасно это,
Пустой почин в пустом ряду,
Но, доброй памятью согрета,
Я верю вам. Зову. И жду...

Шел снег. Снежок. В конце недели.
Порхал. Мерцал. Роился. Гас.
И мы опять вдвоем сидели,
Растворены в глубинах глаз.

И все казалось: сняв, как бремя,
Бесстрастной вечности запрет,
Для нас остановилось время
На пять,
на десять,
на сто лет!

РАЗМОЛВКА

Есть в осени особая пора
Хождения по грани, перелома,
Когда снежком побелится с утра
И шифер крыши и в стогу солома,
И словно бы на все дохнет сама
Пусть волглая, а все-таки зима.

И вдруг к обеду дождик. И, жужжа,
К реке ручьи покатятся по склону,
И палых листьев вновь проступит ржа,
И озеро дохнет туманом сонно.
А к вечеру — ну, впрямь порядка нет! —
В верхах деревьев блеснет закатный свет.

И в лад той бестолковой круговерти,
Мысль на ходу гоняя холостом,
О жизни размышляешь и о смерти.
О подвиге. Об отдыхе. О том,
Что даже словом трудно объяснить, —
Едва поймав, теряешь сути нить.

Неясность. Неопределенность. Будто
Душа то в прозу забежит, то в миф,
Но, в скороходы-сапоги обутая,
Не может задержаться ни на миг
Ни тут, ни там, а сразу мчится дальше,
Простейших связей не усвоив даже.

Таким он был и этот день, в который,
Наказан случаем или судьбой,
По поводу какой-то шутки вздорной
Я в первый раз поссорился с тобой
И был ошеломлен и с толку сбит
Внезапностью укоров и обид —

Что стал я холодней; что равнодушие
Сквозит во мне порой; что день назад
Я что-то вовсе к делу не идущее
Сказал; что вроде бегают мой взгляд,
А это, как известно, признак фальши
И двоедушия. Куда уж дальше!

Сначала я не уставал дивиться
Тому, как, от меня неотторжм,
Стал облик мой двоиться и дробиться
И делаться неясным и чужим:
Ведь вроде я — и вроде непохоже,
Такая дрянь, что аж мороз по коже.

Я промолчать хотел. Но сдали нервы.
И я ответил, злясь и горячась,
Что ни к чему намеки и маневры,
Что хочешь уходить — так в добрый час.
И не за чем, выискивая повод,
Жужжать вот так и жалить, словно овод.

О господи, и это ей, той самой,
Единственной меж всех! И это ей,
Чьей нежностью и добротой спасаемый,
Я лучше становился и нежней;
Ей, за которой вслед, как говорят,
Я был готов сойти при жизни в ад!

И покатилося все: за словом слово,
Упрек, насмешка — ряду не найдешь.

А за окном то падал снег, то снова
Во всхлипах ветра начинался дождь.
За непорядком множа непорядок,
День догорал и приходил в упадок.

И я ушел, растерянный и злой,
С печалью, словно с проводницей, в паре.
И сумерки, спеша, как бы золой
Мой след туманили и присыпали,
И крик мальчишки в чье-то бил окно:
— Эй, Васька, сыпь сюда! Махнем в кино!

И мне в кино сходить? Так ведь едва ль
От собственной судьбы в чужой укрыться.
Сам до конца неси свою печаль,
Сам болен, сам лечись, как говорится,
И верь, что, так сложна и так проста,
Жизнь все поставит на свои места.

Но философствовать — одно, а ждать —
Как день за днем тонуть. Невыносимо!
С утра снежок, а к полдню дождь опять,
И день летит за днем — неделя мимо.
И в сердце холодок с утра до вечера —
А что, как все и ждать спасенья нечего?

И вот — звонок: — Обиделся? Не надо.
И ты не шелком шит, и я не мед,
Хотя и посейчас меня обида
За то сравнение с оводом берет.
Я — овод! Господи! Что за слова!
Ты капельку подумал бы сперва!

— Мне — думать, а тебе? Иль красота
Освобождает от такой заботы
И можно от субботы до субботы
Слова горохом сыпать изо рта?
Ты — личность. Человек. А я-то кто же —
Игрушка? Робот? Кукла в теплой коже?

Стоп... Замолчать! Зажать язык зубами!
Не лезть в опасный этот лабиринт,
Не то опять контакт перегорит
И, от чего помилуй и избави,
Все станет глубже всасываться в ил,
Так что и выбраться не хватит сил.

Ведь в жизни, ошалеv от мелочей,
Как часто впусте мы шумим, как часто
Разумности поступков и речей
Не подступиться к нам, не достучаться.
И что с другими — ничему не рад,
С собой вступаешь в ссору и разлад!

И слезных жалоб некому строчить
И не на кого — виноваты сами.
Уже закат. Он розоват и чист,
И, значит, скоро встреча «под часами»,
И радость, и смущенье в первый миг
С укорами в намеках не прямых.

И снова все войдет в привычный ритм
Под клятвы, — любим, верим! — в изобилии.
И все-таки мне сердце говорит,
Что нечто мы помяли и разбили
И трещинки — такого клея нет —
Ничем и никогда не сгладить след.

И хоть за сотни гор, лесов, морей
Идти в руке рука из суток в сутки,
Нам надо быть нежней. Сильней. Мудрей
И осторожней в слове и поступке,
Нести в опаске, — как хрусталь несут —
Свою любовь — с живой водой сосуд.

ЗВЕЗДА В ОКНЕ

1

Его я встретил в поезде. Он был
Каким-то отрешенным и помятым.
За окнами намокший март рябил,
Дышал теплом, дымил туманом ватным.

И первый грач, весь черный, как монах,
Глядел на полустанок сонным глазом,
И тропки, заходя, как ум за разум,
Неслись, к ручьям приравнены в правах.

В такую пору, словно кто подъем
Вдруг объявил, гоня соблазны лени,
Душа и ветка действуют в одном —
К полету и расцвету — направленье.

Все в устремленье, в поисках орбит,
Ведущих к новой высоте и дали.
И даже та, что в крайнем увяданье,
Душа не так тоскует и скорбит.

Стучит капель, ломается река,
И ветер тянется издалека —
Густой, веселый, влажный ветер юга —
Взглянуть, что наша делает округа.

И в женщине обычной, что не модно
Одета и уже немолода,
Вдруг видится Лаура и Джоконда,
Зовущая неведомо куда.

Но спутник мой за дымом папирос
Напоминал мне лес в исходе года:
Он сумрачен, и чуть ледком оброс,
И молчалив — зверью и птице голодно;

Оглохло эхо, сколько ни кричи,
Пожух камыш, исчез ручей бесследно...
Мы полпути проехали почти,
А не идет, не вяжется беседа.

Позавтракал под вздохи булкой с чаем,
На предложенье коньячку в обед
С протяжкой неуверенное: «Не-ет...»
«Да», «Нет», «Потом» — на том и речь кончаем.

Лишь к сумеркам уже, как на краю
Земли и неба покраснело малость,
Наш разговор, на паузах измаясь,
В глубокую заехал колею.

2

«Что век наш тяжек,— говорил он,— но
Прекрасен по деяниям и цели,
Не новой в утешенье панацей,
А прописью является давно,

Банальностью, о коей все юнцы,
Щипля свои бородки и усы,
Как проводник об обстановке в поезде,
Вещают в шумной лирике и прозе.

И все ж, как тезис этот ни избит,
Он истинен по сокровенной сути,
И, личный наш кроша и руша быт,
К нам злоба века прописалась в судьи.

И часто изначальность наших драм
В том яростном лежит противоречье.
Чем выше в горы, тем и ветер резче,
Чем ближе к звездам — ближе к вечным льдам!

А нам ведь женщина в любви живой
Нужна, свет глаз, жар губ, восторг слиянья,
Как сущность бытия, как состоянье
Прекраснейшее в участи земной.

Мы без нее не целое, а часть,
Не полная, а вполовину сила,
И юность нас мотала и носила
Не зря, в дома заветные стучась.

И всяк из нас, когда приходит срок,
Дает одной обет или зарок,
С порой наивных вздохов и мечтаний
Прощаясь в доме бракосочетаний.

И тут — держись! — особый поворот,
Взаимопониманья смысл особый,
Где каждый все дает и все берет,
Без мелочности чувства низкопробной

Где за слезу — слеза, и за восторг —
Восторг, и за прощение — прощенье.
Лишь в равенстве любви самоспасенье,
А нет его — и весь к нулю итог.

3

Но есть еще и то, что иногда
Зовут проклятьем ядерного века,
Когда под ношей гнемся мы, когда
Дела сильнее власти человека.

И календарный отдых не в резон —
Педантам службы во спасенье он,
А тем, кто ходит при горячем деле,
Почти что равнозначны дни в неделе.

Жмут сроки, гонит спешка, а притом
Собрания, лекции, доклады, споры,
И беготня — аж ветер свищет в полы,
И загнанность — аж воздух ловишь ртом.

Сидишь за ужином, а в голове
Газетная статья, когда не две,
Кизингер, Никсон, домысел собрата,
Как на Луну лететь и как обратно.

День кончился, а ты все в этом дне
И в будущем уже одновременно.
И нет эквивалентного обмена
Двух душ, оставшихся наедине.

Еда не веселит, вино не впрок,
Ни в лес прогулок, ни с утра зарядок,
Лишь потолок взамен дождей и радуг,
Взамен цветов и листьев — потолок.

Квадратный. Бело-серый. Как плита,
Чтоб воли не давать воображенью.
И движет блеклых чувств неполнота
Любовь к усталости и пораженью.

Еще вы вроде целое одно
И трещинку малейшую скрываете,
И спите рядом на одной кровати,
И ходите в театр или кино.

И все ж разделены. На миллиметр.
Потом — на метр. Потом — все дальше, дальше.
И — разные. И не уловлен даже
Начальный расхождения момент.

4

В сравнении с пером или станком
Моя работа ни трудней, ни легче,
Хоть точка приложенья сил далече,
А результаты в сейфе под замком.

Когда с утра космический корабль,
Гремя, уходит за земные грани,
То путь его, как новое прораб
Шоссе в лесу, я проложил заранее.

Разведаль профиль, рассчитал подъем
И выставил на поворотах веки,
Хоть темной кровью набухали веки,
А ночь шумела ветром и дождем.

И с тем в связи сказать могу я без
Приукрашенья собственной персоны,
Что, как моря и суша ни просторны,
Я мыслями живу меж звездных бездн.

А тот, кто знал хоть раз ту глубь и даль,
Привык к ее свеченью и движенью,
Тот с тем умрет, земному притяженью
Могильным прахом отдавая дань.

Что это — блажь? Игра в героев? Мода?
Нет. Как там ни крути и ни верти,
Нас гонит в путь познания природа,
И не видать конца того пути.

Пусть трепка нервов, муки, пусть кончина
В холодной мгле — наш путь вперед, вперед,
Покамест жизнь, всего первопричина,
В борении над смертью верх берет!

5

Но я еще и человек. Как все.
И я влюбился на исходе лета,
Впервой ее увидев в полосе
Через окошко хлынувшего света.

Она случайно заглянула в зал,
Где я курил во время перерыва,
И словно сердце кто-то мне разъял
И динамитом оснастил для взрыва.

Смешно, что глянул и влюбился? Но
Ужели менее того смешно,
Что кто-то, все решая по-иному,
Любовь, как сдельщину, вгоняет в норму?

Что где-то, свой имея интерес,
Чтоб чувством не обременять мужчину,
Включают электронную машину
Для выбора любовниц и невест?

Я технику получше знаю сам,
Ее предназначенье и основу,
И все ж разумней доверять глазам,
Печали и улыбке, жесту, слову.

И я поверил. До конца — едва
Меня коснулось глаз ее сияние...
В сто лет пути казалось мне сперва
Лежавшее меж нами расстояние,

Безмерность из туманностей и звезд,
Комет, планет, пустых и населенных,
Рои галактик в искорках зеленых.
Прекрасна цель, да переезд не прост!

И я расчетным мучался усилием,
Хоть знал, что поздно, что уже лечу,—
Каким из всех изобретенных крыльев,
Каким ракетам даль та по плечу?

Но взгляд ее, как световой поток,
Все смел и сжег, приблизив точку встречи,
И вскоре некий загс в Замоскворечье
Подвел баланс и записал итог.

Я счастьем был захлестнут, как листвою —
Леса; я времени утратил меру
И, холостяцкий быт меняя свой,
Все полюбил, все принял в ней на веру.

И если б вправду был какой-то бог,
С зеленой бородищей перестарок,
Я свечку с башню Спасскую в подарок
Ему б за то поставил и зажег!

6

Так прокатились восемь лет — рекой —
То меж лугов цветущих, то в разливе.
И мне казалось, нету никакой
Причины, чтобы думать о разрыве.

Какой разрыв, когда совет да лад
И в ласке полная самоотдача?
И дом как дом! И возле Клязьмы дача,
И к покупному свой на стол приклад.

И — поспешай за модой без тревог,
Что на сберкнижке деньги истощатся.
Но я домой все позже стал стучаться,
Все позже свой переступить порог.

Шел штурм того, чего еще вовек
Не штурмовал людской бесстрашный разум.
И, как в сражение, все это поверх
Любви, тоски, страстей и страха разом.

Со славой, что века переживет,
Не ради лишней тряпки и монеты —
Для дела шел в последний свой полет
Гагарин, первый космонавт планеты.

Уже на грани мрака, слыша рев
Тех скоростей, что гибелью грозили,
В последний миг работал Комаров,
Чтобы другие небо бороздили.

Я им не ровня, нет. Не для меня
Взлет в пламени и камнем вниз паденье.
И все ж при их дерзанье каждый день я
И опаляюсь возле их огня.

7

И тем я жил. Когда работал. Ел.
Сидел в гостях. Томился, засыпая.
И своего положенного пая
Внести в двух душ единство не сумел.

И стало так, что я про космос ей,
Она — о новом фильме и романе.
И все трудней взаимопониманье,
Несхожесть мыслей чаще и острей.

Потом, как в озеро потоки с гор
Иль пополнение в гущу старой роты,
Чужие мысли, речи обороты
В ее врываться стали разговор.

Язык один, одно значение слов,
Но мысль в другой рисунок и оттенок.
Кто отражение листвы на стенах
Ловил, тот знает, что тут за лов!

И в глубине ее тревожных глаз,
Еще для проявления не раскованный,
Как бы какой-то облик незнакомый
То появлялся сквозь туман, то гас.

Кто он? Я круглым был бы дураком,
Когда б спросил. Раз уж случилось это,
Не в помощь ни райком нам, ни обком,
Ни весь состав Верховного Совета.

Как переменная величина
В любой поре и случае конкретном,
Любовь вольна и не подчинена
Параграфам законов и декретов.

Сближает с сердцем сердце не декрет
И не от директив рождаются дети.
Любовь сама собой живет на суете.
И правит. И над ней хозяев нет.

Античный изучи за мифом миф,
Умнейших книг переплыви пучины —
Необъясним ее рожденья миг
И миг ее загадочной кончины.

Вот только что была, светила, жгла,
Фантазиями голову кружила,
И — нет ее. Приливом отошла.
Волной в туман. И гальку обнажила.

8

Кого ж корить, что вместо рая ад
И пепел вместо пламени и жара?
Что из твоей души ее сбежала —
Ты сам или соперник виноват?

Ведь он не тать, что вышел на разбой,
А твой согражданин. И с ней при встрече
Он, так же, как и ты, лишался речи,
Как ты в свой срок, не властвовал собой.

И, может быть, он только тем сильнее,
Что, в полноте приема долг и чувство,
Постигнет высочайшее искусство
Быть в космосе и в то же время с ней?

По уравниеньям, не решенным мной,
Двух троп разбег сольет в дорогу цельную?
Такую век, прекрасный и шальной,
За наше счастье назначает цену.

Ты должен быть логичен, точен, сух,
Отсчитывать секунды старта вслух
И — ворковать затем, меняясь в корне,
Как в марте голуби на колокольне.

Чтоб совместилась с женщиной звезда,
С машиной электронной синь вечерняя,
Хоть нервы — не в обмотках провода
И нету кнопок для переключения.

А я... Я дрогнул. Не сумел. Не смог
Исправить крен. И хуже год от года
Все шло. И нет пока еще развода,
Но май сгорел, и соловей замолк.

И появилась чувства глухота
И немота улыбки, взгляда, слова,
И рухнула, крошась на части, та
Взаимности в любви первооснова.

Взгляд равнодушен, близость без тепла,
На скучных разговор буксует темах,
Как будто мы небесные тела,
Но при различных солнечных системах.

Хоть закричи, хоть голову разбей,
Но не изменишь курсов расхождение.
И все слабей взаимопритяжение,
Взаимный свет все дальше и слабей.

И вот бегу на юг. Совет врача.
Прибой. Загар. Платанов тень резная.
Бегу, полунадеясь и не зная —
Чья мне поможет дружба? Мудрость чья?..»

Спешил, как все на свете поезда,
 Наш поезд в громыхании и звоне,
 И в рваных облаках на горизонте
 Всплыла зеленоватая звезда.

Одна из миллиарда миллиардов,
 Она свечением сумерки прожгла.
 А мне казалось, женщина вошла,
 Молчала, мучилась, дышала рядом,

Томила грустной горечью потерь,
 Искала невозможного ответа.
 Но хлопнуло окно, и всполох ветра
 Вздуд занавеску и толкнулся в дверь.

Лег мой попутчик, вжав подушку в угол.
 А я... Что я? Я вспомнил опыт свой:
 Нет хирургии для таких недугов.
 Нет терапии. Нет воды живой.

— А САМИ ВЫ ЛЮБИЛИ?..

1

Река темнела. Становилась серой.
 Темно-зеленой. И — черней чернил.
 И наш костер, обтопанный, оседлый,
 Все наши помышленья подчинил.

Сманил веселым полыханьем жара,
 Где пляшут золотые петухи.
 Теплом. Дымком. Но главное, пожалуй,
 Неторопливым бульканьем ухи.

Она пока что недоспела малость,
 И добровольный мученик один
 Лук нарезал, слезами обмываясь.
 Потом принес коньяк. Особый. «Двин».

И это породило оживленье:
— Пижон!
— Транжир!
— Тут водочка б нужна!
— Так у него ж кармана ожиренье,
О чем не знают теща и жена!

Тот хмыкнул и глаза прищурил синие:
— Ах, водочка? Так в здешнем магазине
Ее дотошный трудовой народ
Всю вылакал. А «Двина» не берет.

За тот же результат деньга двойная —
С научной точки зренья чепуха.
Но я купил, давно от вас же зная,
Что без пролога не в уху уха.

А если у кого ресурсы тощие,
Глуши водичку — вот она, река.
Что до жены, а так же ведьмы-тещи —
Не связан, не обременен пока.

— По девкам промышляет!
— По вдовицам!
— И там и сям...
— Прикончить треп! Отбой!.. —
Уха снята, изъята пробка с визгом —
Поехало, пошло само собой.

Потом сидели над рекой. Курили,
Смотрели, как горит метеорит,
Как ночь, все шире расправляя крылья,
С листа росы напиться норовит.

И некий инженер сорокалетний,
Припомнив треп насчет холостяка,
Вздыхнул: «Полегче б надо. Покорректней.
Материя сия — она тонка.

Она сложнейшим таинствам причастна,
Чтоб дух не чах и разум не скудел.
Остричь над ней — удел новомещанства,
Пустых голов и мелких душ удел.

Дешевый шик и водку сделав сводней,
Не вынув сигаретки изо рта,
Они толкуют о любви свободной.
Но от чего любовь свободна та?

От замиранья сердца? От возженья
Огня, светившего во все века?
От мудрости взаимоуваженья?
Взял... Бросил... Снова взял... Пока!

Все в самоизмельчении. В распыле.
Глядь — счастья нет и молодости нет.
— Ваш суд суров. А сами вы любили?
— Любил. Люблю. Уже немало лет.

Сейчас сильнее и ярче, чем вначале.
И верю сам! И знаю — верит, ждет.
Вот по зиме писал стихи ночами —
Ей не читал, а вам могу. Идет?

2

...Случится это скоро иль не скоро,
Гадать не стану. Но наступит год,
Когда меня на лодке без мотора
Старик Харон за Стикс перевезет.

В тот день, ото всего и всех далече,
Я весь уйду в туман иных полей.
Похвалите — мне там не станет легче,
Осудите — не станет тяжелей.

И в час какой-то, не тревожим сплетней,
Ни завистью, ни злобой чьих-то глаз,
Я вспомню все до мелочи последней,
Что в двуединстве связывало нас.

Известно всем без слов пустопорожних,
Как девочки рождаются. Но мне
Все кажется — тебя сперва художник
Писал на гениальном полотне.

Томясь непостижимостью задачи,
В мучительной борьбе с самим собой,
Он вверился искусству, и удаче,
И мастерству. И создал образ твой.

А жизнь, как музыку, вдохнула душу
И, совершенство от бровей до ног,
Тревожную, томящуюся, ждущую,
Пустила в мир волнений и тревог.

Я знаю женщин. В толчее земных
Страстей и дел, при суете греховной,
Прекрасный свет горит в любой из них,
Восторг любви, от слез не застрахованный.

Их чувств богаче, красочней тона,
Их преданность бесстрашию равна
И беспощадна отчуждением кара
Мужской душе, что светит без накала.

И грустно мне, когда скулит собрат,
Что — изменила, что — ушла к другому.
А ты свою достойно нес ли голову?
Духовной силой был ты сам богат?

И если нет — не трать трескучих фраз.
Не укоряй. Не мучай. Будь мужчиной!
Не женщины, а мы тому причиной,
Что к нам идут или бегут от нас.

И я их всех, чьи помнятся черты,
Что отошли дорогами своими —
Прошу считать прекрасными во имя
Не мелочной, а полной правоты!

Но кто мне дал за все грехи прощенье,
Чтоб встретиться с тобой, меж всех одной,
В ком женственности высшей воплощенье
Соседствует с душевной глубиной?

Кто в серый день, когда снега мели
И к тротуарам набивались плотно,
Сорвал тебя, как ласточку с полета,
И отдал в руки трудные мои?

Каким был я — не мне судить об этом.
Но ты все краски мира вобрала —
Была весенним садом, южным летом,
Мерцаньем звезд, росой перед рассветом,
Когда во ржи стучат перепела,

Дыханьем листьев, лепетом реки,
Сиянием свежающего моря.
И как ни злы чужие языки,
Любви своей бесстрашие прямое
Несла ты прорвам быта вопреки.

Такой тебя я видел. Знал. К такой,
Когда наветы жгли меня и враки,
Я приходил со всей моей тоской —
И уходил, готовый к новой драке.

И в поисках концов или начал
Несчетных дел, сквозь суету истошную,
Тобой я лучший день обозначал,
Твою в движение жизни ощущал
Всю страсть, стеснительную и восторженную.

И, счистив всю с души невзгод окалину,
Благословляю ту границу крайнюю,
Куда с тобой дошел в руке рука.
Пусть я споткнусь,
паду,
в безвестность кану,
Пусть я умру,
а ты —
живи века!

3

Он смолк. Ни одобрения в отплату
От нас не ожидая, ни в досыл
Вопросов уточняющих — в палатку
Ушел. И лег. И полог опустил.

Встал месяц, в листьях дуба прорезаясь.
Замолкли за рекой перепела.
Глупа, смешна к чужому счастью зависть.
Дурна. Но зависть все-таки была.

Была! Просачивалась из-под спуда.
И все к тому как будто шло оно,
Что перед нами совершилось чудо
Поэзии и жизни заодно!

ВАСЬКА

На поселке в лесу под Брянском
У Потанникова Ивана
Сын четвертый родился — Васька.
Ровно в полночь он свет увидел
Немудрой, исконный, лучинный.

А наутро соседка Марья,
Что как скажет, так узел свяжет,
Толковала: — Ох, к худу дело,
Не в поре петухи орали!

Поначалу в холщовой люльке
Беззаботно гугукал Васька,
Получал тумак от бабки,
Если в ночь заходилса криком,
Успокаивалса от соски —
Чистой тряпки с жеваным хлебом.

После ползал на четвереньках,
Задирая к плечам рубашку,
Спал в приклетье с теленком рядом,
Когда в полдень морила дрема,
Кукиш в нос совал поросенку,
Брата драл за вихры на печке.

А как вытянулся в подростье,
Закрутил житье не прожики —
По междворьям носился с палкой,
Не давал проходу собакам;
Был двумя кобелями кусан,
Да гусями за лытки щипан,
Да быком под плетнями катан.
И над ним причитала бабка:
— Не мужик растет, а разбойник!

Только это — лишь треть зачина,
А для горестей не причина.
Если шкуру подрал — и ладно,
За нее не рублем платили,
Синяки поставил — и нйшто,
Заживет, отойдет до свадьбы.

Как не бит растет, не колочен,
Так мужик получится хилый,
Как не дрался, так боязливый —
Безголосый петух обидит.

Вырос Васька — ого детина! —
Не достанешь рукой до чуба,
На плечах, как на той лежанке,
Двум братухам выпастся можно.
Выгнал рост, да ума не видно,
На уме все девки да девки.
Как пошел гулять — не загонишь,
На крылечках сидит до свету,
А пахать — так и сном скосило,
А косить — из ваты коленки,
А вставать молотить по рани —
Так и камень скорей разбудишь.

А на ту на беду припеком
Объявилась одна вдовица
Не рожалая, молодая —
В самый раз для службы у черта.
Поведеет глазами — присушит,
Улыбнется — как в пламя бросит,
Запоет — так глухой услышит,
Прибежит из другой деревни.

И пошло оно, закутилось,
Затуманилось синим дымом
На соблазн мужикам, чья сила
Не сполна износилась в поле.
Бабы ж истинно что взбесились,
Разозлились, зудят, что шершни.
А уж сплетница Аграфена
Столько всякого намолола,
Что язык на лоскут истерся
И у многих опухли уши.

Что же Васька? Да знамо дело —
Всполошился репьем при юбке.
Набежала темна водица
В голубые глаза до края:
На сестру глядит — и не видит,
На братуху глядит — не видит,
На отца ли, на мать — все то же,

Нет ни поля ему, ни луга,
Ни цветов окрест, ни колосьев,
Белый свет обузился клином,
А в конце лишь она — вдовица.

Без венца заиграла свадьба!
Ночь милуются — ночи мало,
Занимают у дня за полдень:
Люди в поле да в огороды
Брать, как пчелы, от лета взятки,
А они на лужок у речки,
На траве полежать в обнимку
Да тянуть в два голоса песню
Про присуху да про занобу.

Долго ль шутки терпел родитель,
Долго ль мать слезой умывалась,
А приспела пора, что больше
Ни слезы, ни терпенья нету:
Потому, что оно, терпенье,
Не вода в колодце — ты черпай,
А она все сочит в прибыль;
Потому, что слезы — не дождик,
Отшумел один среди полдня,
К ночи новый из тучи хлынет.
У слезы той и у терпенья
Тоже есть конечная мера —
Изошла она, истончилась
И пора для другого действия.

Тут как взяли Ваську за шкирку,
Как пригнули в колени чубом
Во согласии батька с братом,
Да как стали писать вожжами
На известном месте науку!
Не орал: «Ой, не буду больше!»,
Не просил послабления Васька,
Только губы кусал от злости
Да пришептывал тихо: «Ладно,
Дай нам срок, мы себя покажем!»

А назавтра собрал котомку
Да и вон из родной деревни,
Полетел на волю, как птица, —
При такой-то красе и силе
Жить чужой указкой негоже!

Широка земля — не измеришь,
Городов да сел — не упомнишь,
Как поищешь — найдется место
Присоседиться да пригреться.
Но не вышло ему удачи.

Он во пахари нанимался —
Прогоняли, огрехов много,
Он луга косить нанимался —
Выдворяли, не чисто косит,
В пастухи пристроился — тоже
Изогнали при бабьем плаче:
Разоспался на солнцепеке,
А корову задрали волки.
При артели плотницкой терся —
Заработал одни побранки:
Из прямой, как струна, лесины
Получался горбыль щербатый,
Поперечно доску распилит —
Глядь, с расщепом да сикось-накось.

Насмехались: «Тебе бы, Васька,
В кашееды да хлебоеды!
Говорят, что такая должность
Есть одна в тридесятом царстве.
На нее охотников много,
Значит, неча тянуть волынку,
Забирай свой топор щербатый
Да пошибче пыли отселя!»

Так и мыкался по округе,
Как в придворье овца глумная.
А меж тем убегало время.
Не потрогать его руками,
Не увидеть его глазами,
Но ретивым оно — что крылья,
Нерадивым — болото в ноги.

Обтрепался одежкой Васька —
Догоняет лоскут заплату,
Охудал с недоеда Васька —
На кости присушилось мясо.
Сверху шапка — гнездо воронье,
Снизу лапти — куски мочала.
И решил в одночасье: «Видно,
Пропадаю с дурного глазу.

Так схожу-ка я к старой ведьме,
Что живет при озере Темном.
Там ольховое неподступье,
Там еловое непролазь,
Тропки затканы паутиной,
В ясный полдень шныряют совы,
Ну, авось да небось да выйдет.
А не выйдет — горше не станет».

Поглядела на Ваську ведьма,
Почесала ухватом спину,
Прогундосила в нос: «Как только
Захочет на полночь филин,
Так и мой ответ. А покамест
Почини мне сруб у колодца,
Загони овец на подворье
Да в чашинке ни днем ни ночью
Набери три горсти орехов».
«Это как же — ни днем ни ночью?»
«Не для шапки голову дали,
Дело делай, а думу думай».

Сдвинул Васька венец у сруба,
Тешет бревна, чтоб ладить новый,
Да одно идет с недорубом,
А еще одно — с перерубом,
И еще одно — не на плаху,
На козла в рогозне похоже.
Да притом еще без привычки
Думать надобно про орехи —
Словно клин загонять в полено.

Час ли, два ль — совсем истомился,
Истомился и сном сморился.
И во сне нашел на дороге
Кошелек с серебром и златом,
Сапоги купил и рубаху
Да к своей напрямки вдовице,
Зеленым вином упоился,
На перины спать завалился.

А проснулся — глухая полночь,
Тьма в чашине, как в печке сажа,
И над ним с помелом старуха:

«Поломал ты сруб — не исправил,
Не загнал овец на подворье,
На вечерней заре, что значит
Не во дне уже и не в ночи,
Не собрал три горсти орехов.
Ни ума в тебе, ни уменья,
Оттого тридцать три несчастья
И ни в чем никогда везенья.
Так ступай ты себе хоть к черту,
А ко мне позабудь дорогу!»

Глядь — ни ведьмы уже, ни чащи,
А лежит он с дурного зелья,
А с похмелья лежит в канаве.
«Ладно,— злобится Васька,— ладно,
Ведьма сгинула — сыщем черта!»

Не успел он того подумать,
Глядь — а черт примостился рядом.
Черноват, но не то чтоб очень,
Глазки с прозеленью озерной,
На макушке картуз, а рожки
Есть ли, нет ли — решай, как знаешь.

— Ну, чего тебе? — черт с поспешкой.—
Я тут в омуте проживаю
На Десне. От сомов покоя
Нету в ночь — за добычей шнырят.
А тебе вот и днем пришло.

Страшновато Ваське, а все же
Напрямки заступает к делу:
— Продаю тебе, черту, душу.
— Сколько просишь?
— Сотню целковых.
— Дорожишься.
— Десятку скину.
— Маловато.
— Двадцатку скину,
Остальное на руки сразу.

Тощий черт за бока схватился,
В пократ со смеху покатился:
— Мы за праведника иного
Половину по торгу платим,
Так уж там товар без подмочки.

А твоя-то душа, Василий,
Как продать ее на базаре,
Три копейки от силы стоит!
Тягомотина в ней да скука,
От сырой осины опилки.
Нам в аду таких и не надо,
Пересылка себе дороже.
Так ступай себе, куда хочешь,
А ко мне с дешევкой не суйся!

Осердился Васька, аж плюнул,
Подвернул на лаптях онучи
И побрел к себе на поселок.
А отец-то уже в могиле,
А братухи давно в разделе,
А вдова и в дом не пустила,
Знать, еще кого приютила.

Пошатался улицей Васька,
Наглядел у оврага пустошь,
Поселился — в бурьян свалился
На отдельности, на отшибе.

Кто идет по краю поселка,
Так уж сам доподлинно видит:
Всех изба у него пониже,
Утром дым из трубы — пожиже,
Чай без сахара,
Щи без сала,
Для добычи огня — кресало.

Вот что с Васькой было да стало.

И отселе несуетловное
Побрело меж людей сказанье —
Не соврать, чтобы очень новое,
Не сказать, чтобы вовсе давнее...

СОДЕРЖАНИЕ

Не жалуйся	3
Звоните через десять лет	3
Размолвка	7
Звезда в окне	10
— А сами вы любили?	19
Васька	24

Николай Матвеевич Грибачев

— А САМИ ВЫ ЛЮБИЛИ?

Редактор Ю. С. Новиков.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 08.01.81. Подписано к печати 09.03.81. А 10901. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,57. Тираж 100 000 экз. Изд. № 507. Зак. № 24. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

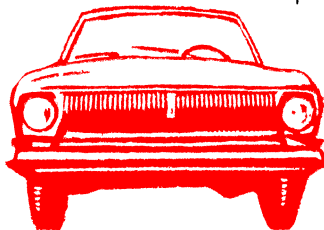
**ВЛАДЕЛЬЦАМ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ
ПРЕДЛАГАЕТ СВОИ УСЛУГИ ГОССТРАХ**

Возмещение ущерба при повреждении или гибели средств транспорта в результате аварий, различных стихийных бедствий, а также при их похищении (угоне) обеспечивает договор страхования.

Автомашины, мотоциклы, мотороллеры, мопеды, моторные, парусные, гребные лодки, катера и другие суда, находящиеся в личной собственности граждан, можно застраховать на год или более короткий период.

Плата за страхование устанавливается в зависимости от вида транспорта и размера страховой суммы и вносится при заключении договора. Если годовой платеж превышает 30 рублей, то уплатить его можно за два раза: половину суммы—при заключении договора, оставшуюся часть в течение 4-х месяцев после вступления договора в силу. Лицам, страховавшим средства транспорта более 2-х лет без перерыва и не допустившим за это время по своей вине аварии, предоставляется скидка в размере 10%, а более 3-х лет—в размере 15%.

Ознакомиться с условиями страхования и оформить договор можно у страхового агента или в инспекции Госстраха.

Госстрах РСФСР

